

**Образование и развитие городов и местечек в Беларуси и Украине
во второй половине XVI – первой трети XVII в.**

Образование и наука в Беларуси: актуальные проблемы и перспективы развития в XXI веке Сборник научных статей. / Бел. гос. пед. ун-т им. М. Танка г. Минск, 2014

Ключевые слова: рыночные связи, товаро-денежные отношения, крепостные крестьяне, национальный состав, патрициат.

Углубление общественного разделения труда во второй половине XVI – первой трети XVII в. способствовало появлению в Беларуси и Украине новых городов и городских поселений (местечек), развитию старых городов и росту городского населения. В Беларуси в городах и местечках проживало в исследуемый период от 350 до 370 тыс. человек (приблизительно 12% всего населения) [1]. Росла численность городских жителей и в Украине. Так, например, в г. Каневе за 1552–1622 гг. количество домов увеличилось почти в 7 раз (с 226 до 1644), в г. Черкассах – в 4,5 раза (с 257 до 1120), в г. Киеве – в 3,6 раза (с 487 до 1750), в местечке Котыльня – в 9 раз (с 70 до 633), в местечке Васильков – в 8 раз (с 60 до 500), в местечке Лубны – более чем в 6 раз (со 153 до 882) [2]. Появились новые города: Борисполь, Гадяч, Гайсин, Кременчуг, Конотоп, Миргород, Староконстантинов, Фастов, Умань и др. [3].

Расширение рыночных связей и развитие товарно-денежных отношений привели к углублению специализации городского ремесла, к переходу ремесленников от работы на заказ к работе на рынок. В городах Беларуси насчитывалось около 200 профессий ремесленников и около 300 в городах Украины.

Ремесленники почти всех белорусских и украинских городов объединялись в цеховые союзы, куда, как правило, входили ремесленники одинаковых или схожих специальностей. Рядовые члены цеховых организаций, подмастерья и ученики угнетались цеховой верхушкой. Доходы ремесленников поступали «в братскую кружку», которой ведали старшие мастера [4].

Часть городов принадлежала государству (т. н. королевские города). Эти города являлись административными центрами и чаще всего управлялись на основе магдебургского права. Значительное число городов Беларуси и Украины принадлежало феодалам, в том числе и церкви (как католической, так и православной). Так, например, в начале XVII в. в Киевском воеводстве из 206 городов королевских было 46, частновладельческих – 150, церковных – 10; в Брацлавском воеводстве из 117

городов королевских было 6, частновладельческих – 111; в Подольском воеводстве из 37 городов королевских насчитывалось 7, частновладельческих – 28, церковных – 2. В общей сложности в Украине свыше 80% городов составляли частную собственность. Правда, некоторые частновладельческие города пользовались магдебургским правом. Отдельные магнаты владели многими городами. Канцепольскому, например, лишь на Брацлавщине принадлежало 170 городов и местечек, Острожскому – 80 [5]. В Беларуси также более половины городов и местечек были частновладельческими [6]. Эти города содействовали поширению местничества и сепаратистским стремлениям владельцев, а не централистским намерениям короля. Феодалное владение городами затормаживало и их экономическое развитие. Особенно мешали их развитию так называемые юридики – земельные владения светских и духовных феодалов на территории королевских городов, которые не подчинялись городским судам и администрации. Остальные горожане были защищены законом [7]. В юридики входили иногда целые кварталы с ремесленниками и торговым населением. Возникали они на основе привилеев, выданных феодалам королем. Собственники юридик взимали с живущих там ремесленников и торговцев различные сборы, принуждали их отбывать повинности.

Для увеличения своих доходов в городах феодалы селили там своих крепостных крестьян, чтобы использовать их труд в ремесле и торговле. Так, в одном из документов 1586 г. говорилось, что в Минске «князи, панове и земяне ... духовного и светского стану с давних часов набывшы пляцов, подданных своих там осадили, которые в месте мешкаючи, торгов, ремесла, гандлев и всяких пожитков местеских ... уживают» [8]. Ремесленникам, проживавшим в городах и местечках, принадлежавших феодалам, и занимавшимся еще и сельским хозяйством, барщина заменялась чиншем либо денежным налогом согласно статусу городского населения [9].

Кроме ремесла в городах и местечках развивались промыслы. Это были мельницы, гуты, рудни, пивоварни, винокурни и кирпичные предприятия. Мельницы и предприятия по производству кирпича часто принадлежали магистратам городов, другие предприятия, как правило, были собственностью феодалов. Те и другие сдавались в аренду. Арендаторы в исследуемый период уже использовали наемный труд.

Особенно тяжелыми были насилия со стороны старост и воевод, которые накладывали на ремесленников непомерные «повинности и пошлины незвычайные», что вызывало протест населения городов и местечек [10, с. 216]. Так, например, жители Полоцка жаловались, что воевода «многие ремесные люди ... мощно еси на себе забрал и на себе им кажет

робити» [11]. С такой же жалобой обратились и жители Гродно, где староста подчинил себе «мяшчан і ўсіх рамеснікаў ... амаль палавіну горада» [12].

Мещане Житомира 12 февраля 1622 г. также обратились с жалобой на подстаросту и арендатора, отягощавших их повинностями и препятствовавших заниматься торговлей своими изделиями [13, с. 25–26].

Развитие ремесла, промыслов и торговли вело к углублению социальной дифференциации городского населения. Жители городов делились на городскую аристократию – патрициат (богатые купцы и часть ремесленных мастеров и арендаторов), бюргерство – цеховые мастера и торговцы средней категории (в нее входили все зажиточные горожане, не принадлежавшие к городской аристократии), бедноту, которая пополнялась за счет учеников, чeledников и бедных мещан. За пределами городской общины находились наемники, прислуга, работный люд, занятый на поденных работах, нищие и бродяги. Они составляли самую обездоленную и бесправную часть городского населения – плебс. Плебей не имел прав горожанина, и поэтому на него не распространялись сословные права и привилегии, хотя городская администрация заставляла обездоленных выполнять различные повинности и платежи, угрожая арестом или выселением из города.

Особенностью Украины было то, что часть городского населения составляли казаки. Согласно люстрации 1616 г., в Каневе, Черкассах, Чигирине, Корсуне, Белой Церкви, Переяславе, Богуславе, Ирклееве, Стеблеве, Голтве, Крапивне, Данилове, Боровице число «непослушных» (казацких) дворов составляло от 50 до 80%. Количество этих дворов постоянно увеличивалось. Так, из материалов ревизии Киевского и Брацлавского воеводств 1632 г. видно, что в Черкассах, Ирклееве, Яготине, Крылове, Крапивне, Бобровице такие дворы составляли уже около 82,3% их общего числа. Количество казаков-горожан особенно заметно увеличилось во время крестьянско-казацких восстаний конца XVI – первой трети XVII в. [14].

В некоторых «городах и местечках, – указывалось в королевской инструкции для сеймиков 1625 г., – все управление, вся власть у казаков, они присваивают юрисдикцию, устанавливают свои законы» [15]. Становление казацкого политического автономизма произошло в конце XVI в. В сентябре 1592 г. гетман Войска Запорожского Криштоф Косинский в письме польскому королю Сигизмунду III Вазе впервые обосновал идею неподчинения казачества власти старост и воевод [16].

Со своей стороны шляхта, которая проживала в городах или имела там юрисдикции, стремилась ликвидировать казацкие юрисдикции в городах и местечках, освободить городское население от власти атаманов, полковников

и других старшин, запретив мещанам и крестьянам, которые жили в городах, подчиняться казаческим законам, ибо «... за короткий час вся Україна обернется в козацтво...» [17].

Городовые казаки занимались ремеслом, промыслами и торговлей. Они играли важную роль в общественно-политической и социально-экономической жизни городов. Социальные конфликты с участием казачества происходили не только между казачеством, с одной стороны, и администрацией, магнатами и шляхтой, с другой, но и между зажиточной казацкой верхушкой и основной массой казачества – мелкими ремесленниками, землевладельцами, а также казацкой беднотой, прежде всего батраками.

Пеструю картину представляло городское население и по национальному составу. В городах Беларуси большинство горожан были белорусами, однако источники содержат сведения и о других национальностях: поляках, русских, украинцах, литовцах, немцах. Значительной группой городского населения на западе и в центральных районах Беларуси в XVI в. были евреи и татары [18]. В Украине, кроме украинцев, составлявших большинство населения, в городах проживали также русские, белорусы, поляки, молдоване, литовцы, армяне, немцы, евреи, болгары, венгры, сербы, греки, турки, татары и др. [19].

Зажиточные горожане из числа некоренного населения занимались торговлей, арендовали промыслы, усадьбы, сбор пошлин. Низшие слои некоренного населения занимались ремеслом, работали на промыслах. После Люблинской унии 1569 г., объединившей Польшу и Великое княжество Литовское в единое государство Речь Посполитую, в условиях польской феодальной экспансии небелорусское и неукраинское (особенно польское) городское население возрастало особенно быстро. После захвата шляхетской Польшей Подляшья, Волыни, Брацлавщины и Киевщины в западноукраинских городах в первой трети XVII в. некоренное население составляло уже около 30% горожан. В целом роль иностранной верхушки в украинских городах можно с определенной оговоркой сравнить с ролью, которую сыграло в свое время немецкое бюргерство в польских городах. По этому поводу Ф. Энгельс писал: «...немцы помешали созданию ... польских городов с польской буржуазией. Своим особым языком, своей отчужденностью от польского населения, тысячей своих различных привилегий и городских положений они затрудняли осуществление централизации этого могущественнейшего политического средства быстрого развития всякой страны. Почти у каждого города было свое особое право; больше того, в городах со смешанным населением существовало ... различное право для немцев, для поляков и для евреев» [20].

Подтверждением этой мысли являются жалобы горожан на произвол некоренной городской аристократии. Так, в 1576 г. ремесленники львовских цехов писали в своей жалобе королю: «Одна ... семья управляет городом... Бурмистром является Вольф Шольц, один сын его держит верховную власть войтовства, другие сыновья ... являются лавниками, зятя – райцами (членами рады. – В.К.)» [21]. Стремясь упрочить свое привилегированное положение, патрициат, состоящий из иностранцев, поддерживал режим, устанавливаемый шляхетской Польшей.

Усиление феодального гнета в городах Беларуси и Украины происходит в конце XVI – первой трети XVII в. С увеличением количества юридик феодалов в городах сокращалась и их платежеспособность. Так, например, если в конце XVI в. в Могилеве была только одна юридика замка, под которой находилось 42 дыма, то в 40-е годы XVII в. их было уже более 10. При уплате податей жители Могилева смогли отдать в казну менее 60% необходимой суммы [22].

Те горожане, которые продолжали заниматься земледелием, платили чинш, причем размер его все время увеличивался. Если, например, в Калуше в 1549 г. собирали по 20 грошей с дыма, то в 1616 г. – уже по 30. В местечке Подгородье за полстолетие денежная рента с лана возросла с 24 до 68 грошей, т. е. увеличилась почти в 3 раза [23]. С горожан взимались самые разнообразные налоги. Люстрация Житомирского староства 1622 г. свидетельствует, что население Житомира по своему хозяйственному положению делилось на три категории: горожане первой категории платили чинш по 2 злотых с хозяйства, второй – по 1 злотому и 12 грошей, третий – по 1 злотому. Размер денежного чинша зависел также от профессии или рода занятий. Во второй половине XVI в., например, в Коломне портные платили в год по 7 грошей, бондари, скорняки, шорники, слесари, кузнецы, печники – по 8, гончары – по 15; в Староконстантинове ремесленники платили по 4 гроша, перекупщики – по 7; в Золочеве ремесленники платили по 8–10 грошей; в Рогатине пекари – по 33 гроша [24].

Кроме регулярных податей (подымного, чепового, шосового, поземельного) и пошлинных сборов города облагались поборами на содержание войска, депутатов сейма, на оплату королевских привилеев городу, на судебные тяжбы в апелляционном королевском суде. Значительными были торговые и ярмарочные пошлины. Так, например, если в первой половине XVI в. годовой доход в казну Великого княжества Литовского составлял немногим более 46 тыс. злотых (14575 коп.), то в 1578–1579 гг. только торговая пошлина с купечества и торгующих мещан дала казне около 29 тыс. коп. или 72 тыс. злотых [25]. Такие поборы, как колядки и свадебная куница стали также взиматься деньгами.

Помимо платежей деньгами горожане отбывали значительные натуральные повинности. Например, население Межирова в конце XVI в. ежегодно давало старосте от каждого хозяйства три меры хлеба, пчелиную и свиную десятину и от общины 10 волов. Население Коломын и Яблунова в первой трети XVII в. давало своему господину поволовщину, пчелиную десятину, свиную и овечью двадцатину. К этому прибавлялась «хлебная мера» – плата за принудительное пользование господскими мельницами, пивоварнями и солодовнями. В Галичине эта дань часто превышала все натуральные повинности. Сохранялась и стация – натуральная повинность, взимаемая с населения для содержания королевского войска [26].

Население частновладельческих городов и особенно местечек зачастую отбывало барщину в поле, чистило пруды, сооружало запруды и т. п. Так, жители Ошмян магнатов Потоцких отбывали в начале XVII в. трехдневную барщину с тяглой силой и двухдневную пешую барщину и выполняли различные сезонные работы [27]. Горожане Будзанова в Украине отбывали двухдневную барщину с тяглой силой с лана и двухдневную пешую барщину с полулана. Многочисленны были и другие повинности. Так, например, население Тернополя в середине XVI в. один день в году жало хлеб, один день косило сено; жители Слободища в конце XVI в. день пахали, день жали, день косили; население Каменки-Струмиловой в первой трети XVII в. два дня выходило на ловлю рыбы сетями; в Овруче – один день косило или жало; в Литвине – два дня пахало, два – косило, два – жало. Количество отработочных дней постоянно увеличивалось. Если население Хмельника в 1576 г. отрабатывало два дня барщины, то в 1618 г. – уже шесть [28].

Тяжелым бременем на плечи горожан ложились повинности и работы, связанные с сооружением и ремонтом замков, их охраной, содержанием горнизонов. Например, население Житомира в 1616 г. жаловалось люстраторам на тяготы, которые оно терпит от замковой администрации. Жителей города принуждали возить дрова, являться в замок «на работы ... с топорами ежедневно», хотя согласно привилеям они должны были работать всего шесть дней в году, да и то только летом [29].

В пользу духовенства с горожан взимались церковная десятина деньгами и различные дани. Так, в конце XVI в. население Николаева (Галичина) отдавало священнику со двора по полмерки ржи и овса и, кроме того, на пасху – по грошу со двора (коморники – полгроша) [30].

Владельцы городов и местечек зачастую отдавали горожан в аренду и залог, что практически означало – на разграбление и разорение арендаторам.

Большие беды городам, в том числе и тем, которые пользовались магдебургским правом, приносили произвол королевской администрации, бесчинства размещенных в городах солдат, феодальные междоусобицы и

многочисленные войны. Польский писатель и публицист Шимон Старовольский произвол королевской администрации считал «первым большим злом» для Речи Посполитой XVI–XVII вв. [31]. Буржуазный историк А. Яблоновский, один из апологетов пресловутой «цивилизаторской миссии» польской шляхты в Беларуси и Украине, вынужден был признать, что украинские и белорусские города и их население терпели притеснения со стороны старост и других должностных лиц королевской администрации, неограниченная власть которых довлела над городами. О произволе представителей королевской власти в первой половине XVII в. в «Летописи Самовидца» говорится: «... вимисли надуманные повинности и различные унижения велікие были от старостов» [32].

В конце XVI в. киевские ремесленники жаловались королю на злоупотребления воеводы и других урядников: «Повинности и пошлыны незвычайные на них вытягуют, до везенья (в тюрьму. – В.К.) безвинне сажають и трудности задають» [33]. Властимущие принуждали ремесленников даром отдавать им свои изделия, выполнять различные тяжелые работы.

Много бед причиняли городам магнатские междоусобицы, неизменным спутником которых были грабежи населения. Паны «спешили на грабежи, как [осы] на мед». Так, в сентябре 1584 г. шляхтич М. Немирич совершил нападение на местечко Топорище, принадлежавшие шляхтичу Т. Бутовичу, «з многими слугами и помочниками, и з иншею многою стрелбою и оружием... конно и збройно ... ктвалтом ... все побрал, попалил», а слуги Немирича в местечке «яко ... татары побурили» [34].

Таким образом, в современной исторической науке проблеме истории города уделяется большое внимание. Она составляет неотъемлемую часть истории страны, и без изучения этой важной проблемы нельзя изучить закономерности исторического процесса. К числу актуальных проблем, относится такая важная проблема как история образования и развития города в феодальную эпоху, которая характеризуется постоянной освободительной войной.

Список использованной литературы:

1. Гісторыя Беларускай ССР: у 5 т./ рэдкал.: І.М. Ігнаценка (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Навука і тэхніка, 1972–1975. – Т. 1: Першабытны лад на тэрыторыі Беларусі. Эпоха феадалізму / рэдкал.: К.І. Шабуня (гал. рэд.) [і інш.]. – 1972. – 487 с.
2. История Украинской ССР: в 10 т. / гл. ред.: Ю.Ю. Кондифор. – Киев: Наукова думка, 1982. – Т. 2. – С. 284–285.
3. Артюшевский, О.П. Совместная антикрепостническая борьба трудящихся масс России, Украины и Белоруссии. Вторая половина XVI

- 60-е годы XVII ст. / О.П. Артюшевский. – Киев: Вища школа, 1987. – С. 25.
4. Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси. – Вильно, 1867. – Т. 1. – С. 327.
 5. Історія України в документах і матеріалах / отв. ред.: С.М. Белоусов. – Київ: Вид-во Акад. наук УРСР, 1941. – Т. 3. – С. 47.
 6. Грицкевич, А.П. Частновладельческие города Белоруссии в XVI–XVIII вв. / А.П. Грицкевич. – Минск: Наука и техника, 1975. – 248 с.
 7. Статут Вялікага княства Літоўскага 1566 года. – Мінск, 2003. – Раздзел 4. – Арт. 46, 47.
 8. Гісторыя Беларускай ССР: у 5 т./ рэдкал.: І.М. Ігнаценка (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Навука і тэхніка, 1972–1975. – Т. 1: Першабытны лад на тэрыторыі Беларусі. Эпоха феадалізму / рэдкал.: К.І. Шабуня (гал. рэд.) [і інш.]. – 1972. – С. 201–202.
 9. РИБ. – Юрьев, 1914. – Т. XXX. – Ст. 159.
 10. Архив Юго-Западной России, издаваемый Комиссией для разбора древних актов, состоящей при Киевском, Подольском и Волынском генерал-губернаторе. – Киев, 1907. – Т. 5, ч. 8. – 560 с.
 11. Полоцк. Исторический очерк. – Минск, 1962. – С. 40.
 12. Гісторыя Беларускай ССР: у 5 т./ рэдкал.: І.М. Ігнаценка (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Навука і тэхніка, 1972–1975. – Т. 1: Першабытны лад на тэрыторыі Беларусі. Эпоха феадалізму / рэдкал.: К.І. Шабуня (гал. рэд.) [і інш.]. – 1972. – С. 205.
 13. Воссоединение Украины с Россией: документы и материалы: в 3 т. / редкол.: П.П. Гудзенко [и др.]; сост.: Е.М. Апанович, Е.И. Луговая, С.П. Майборода [и др.]. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1953. – Т. 1. – 584 с.
 14. История Украинской ССР: в 10 т. / гл. ред.: Ю.Ю. Кондифор. – Киев: Наукова думка, 1982. – Т. 2. – С. 284–285.
 15. Воссоединение Украины с Россией: документы и материалы: в 3 т. / редкол.: П.П. Гудзенко [и др.]; сост.: Е.М. Апанович, Е.И. Луговая, С.П. Майборода [и др.]. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1953. – Т. 1. – С. 64.
 16. Брехуненко, В. Дванадцять листів гетьманів Війська Запорозького XVI – першої половини XVII століття з польських рукописних зібрань / В. Брехуненко, М. Нагельський // Український археографічний щорічник. – Київ; Нью-Йорк, 2004. – Вип. 8/9. – Т. 11/12. – С. 440.
 17. Мицик, Ю. Польський публіцистичний трактат першої чверті XVII століття про запорозьке козацтво / Ю. Мицик // Український археографічний щорічник. – Київ. – Т. 11/12. – С. 457.

18. Гісторыя Беларускай ССР: у 5 т./ рэдкал.: І.М. Ігнаценка (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Навука і тэхніка, 1972–1975. – Т. 1: Першабытны лад на тэрыторыі Беларусі. Эпоха феадалізму / рэдкал.: К.І. Шабуня (гал. рэд.) [і інш.]. – 1972. – С. 202.
19. Жерела до історії України–Руси: в 22 т. / гол. ред.: М. Грушевський. – Львів: Б.І., 1908. – Т. 8. – С. 143.
20. Маркс, К. Сочинения: в 30 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – М.: Политиздат, 1959. – Т. 5. – С. 338.
21. Михайлина, П.В. Визвольна боротьба трудового населення міст України (1569–1654) / П.В. Михайлина. – Киев: Наукова думка, 1975. – С. 53.
22. НИАБ. – Фонд 517. – Оп. 1. – Д. 15. – Л. 569–671.
23. Михайлина, П.В. Визвольна боротьба трудового населения міст України (1569–1654) / П.В. Михайлина. – Київ: Наукова думка, 1975. – С. 34.
24. История Украинской ССР: в 10 т. / гл. ред.: Ю.Ю. Кондифор. – Киев: Наукова думка, 1982. – Т. 2. – С. 291.
25. НИАБ. – Фонд 1275. – Оп. 1. – Д. 87. – Л. 244.
26. Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА). – Фонд 124. – Д. 18. Малороссийские дела.
27. AGAD: Archiwum Publicznego Potockich. – Dział IV, publiko 29.
28. История Украинской ССР: в 10 т. / гл. ред.: Ю.Ю. Кондифор. – Киев: Наукова думка, 1982. – Т. 2. – С. 292.
29. Баранович, А.И. Украина накануне освободительной войны середины XVII века (социально-экономические предпосылки войны) / А.И. Баранович. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1959. – С. 48.
30. Архив ЮЗР. – Киев, 1876. – Т. 1, ч. 6. – С. 263.
31. Starowski, Szymon. Wybor z pism / Szymon Starowski. – Wrocław; Warszawa; Kraków, 1991. – S. 74.
32. Літопис Самовидця. – Київ, 1971. – С. 46.
33. Архив ЮЗР. – Киев, 1907. – Т. 5, ч. 8. – С. 216.
34. Архив ЮЗР. – Киев, 1876. – Т. 1, ч. 6. – С. 143–144.